

А.С. Наумова, П.А. Чалова
A. Naumova, P. Chalova
г. Челябинск, ЧГИК
Chelyabinsk, CSIC

**К ВОПРОСУ О НАСЛЕДИИ В. РАСПУТИНА: НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИЗОБРАЖЕНИИ Р. СЕНЧИНА
ON THE QUESTION OF V. RASPUTIN'S LEGACY: THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL REVOLUTION IN THE IMAGE OF R. SENCHINA**

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ проблемно-тематического уровня романов В. Распутина «Прощание с Матерой» и Р. Сенчина «Зона затопления». Авторы приходят к выводу, что метатекстуальный характер романа Р. Сенчина обусловлен художественной стратегией автора, связанной с реактуализацией натурализма в современной российской литературе, является способом показать субстанциональный характер экологической проблематики в новейшей словесности.

Ключевые слова: В. Распутин; Р. Сенчин; метатекст; оммаж; экологическая проблематика.

Abstract: The article provides a comparative analysis of the problem-thematic level of V. Rasputin's novels «Farewell to the Matora» and R. Senchin's «Flooding Zone». The authors come to the conclusion that the metatextual character of R. Senchin's novel is due to the author's artistic strategy associated with the reactualization of naturalism in modern Russian literature, is a way to show the substantial nature of environmental issues in modern literature.

Keywords: V. Rasputin; R. Senchin; metatext; homage; environmental issues.

Экологические проблемы имеют глобальный характер и затрагивают всё человечество, уже более века они интенсивно осмысляются художественной словесностью. Ретроспективный анализ показывает, что точкой интенсификации данной темы были 1950–1970-е годы, что связано с реальными техническими достижениями человечества, а также дискуссиями, вестимися вокруг воздействия человека на природу. В советском контексте одним из пионеров в этом проблемном ряду стал В. Распутин, по мнению исследователей, создавший особую модель человеческого бытия в текстах деревенской прозы [1, с. 323].

«Деревенская проза» – направление в русской литературе 1960–1980-х годов, в котором осмысляется драматическая судьба русского крестьянства в XX веке. Литературоведы полагают, что деревенская проза имеет две ветви: социологическую (дом как малая Родина, труд как творческое начало, уклад как определение законов, время как особенное, цикличное) и лирическую (назад к природе, к душе, открытие ценности человека, сформированного крестьянской культурой;

внимание к внутреннему богатству человека, роль природно-космического ощущения, мифологизм) [4, с. 185]. Произведение Распутина «Прощание с Матерой» сделало это направление ведущим в творчестве автора.

В 90-е гг. XX века и нулевые годы XXI века шли споры о конце «деревенской прозы», некоторые российские литературоведы (Н. Лейдерман и М. Липовецкий) говорили о клишированности «деревенской прозы»: «...утопия выдавалась за идиллию» [6, с. 72]. На наш взгляд, такой подход оценивает не столько деревенскую прозу, сколько кризис соцреализма в целом. Но в конце 90-х годов XX века эта традиция пережила реновацию. В литературу пришло поколение, рожденное на рубеже 60–70-х гг. XX века, и оно руководствовалось принципом описания реальности «...без идеализации, без символики, без обобщения, на уровне физиологических очерков» [3, с. 72–73]. На смену постмодерну пришел «новый реализм» или «неонатурализм».

Важно отметить, что авторов «нового реализма» сближает не политическая позиция или мировоззрение, а неоднократно заявляемое и реализуемое в их творчестве обращение к достоянию традиционалистской прозы. Новые реалисты – М. Тарковский, З. Прилепин, С. Шаргунов и Р. Сенчин. Проза Сенчина представляет для нас особый интерес, так как он неоднократно обращается к наследию именно В. Г. Распутина. Р. В. Сенчин в романе «Зона затопления» предпринимает попытку преодоления мифопоэтического, традиционалистского восприятия мира, характерного для творчества Распутина, но прибегает к совершенно иному способу описания действительности, подчиненному художественным принципам «нового реализма», а также стремится пересмотреть мифологемы, созданные Распутиным.

Литературный критик С. Беляков тонко подметил корень признания Романа Сенчина ведущим писателем нового века: «Россию девяностых и нулевых будут изучать по рассказам и повестям Сенчина, как мы изучаем Францию XIX века по романам Оноре де Бальзака и Эмиля Золя» [2, с. 40]. Образ страны у Сенчина однозначно мрачен и, главное, безнадежен, что позволило исследователям называть его творчество депрессивным [9, с. 75]. По словам Натальи Ковтун, роман Сенчина «...начинается там, где заканчивается текст Распутина» [5, с. 83]. Литературовед Е. А. Селютина полагает, что можно говорить об «оммажном» характере текста Сенчина: «Р. Сенчин со своим романом "Зона затопления" включается в мировой эстетический процесс и создает литературный оммаж: со всем почтением к Валентину Распутину сочиняет произведение, в котором важна не стилистическая или сюжетная реконструкция, а аксиологическая программа, которую реализует автор» [8, с. 375].

На наш взгляд, Сенчин отбрасывает все, что связано с мифопоэтикой и эстетизацией, он описывает все максимально реалистично-натуралистично, что придает тексту социально-публицистическую окраску. В романе «Зона затопления» нет сакральных бесед героинь о женской судьбе, они заменены на разговор двух чиновников, которые обсуждают вопрос о возможности продолжить строительство гидроэлектростанции, видя в этом исключительно способ добиться карьерного роста. Сенчин сразу же вводит читателя в жесткие реалии современности, в которой на первом месте стоит выгода. Амбиции двух чиновников заводят

крупнейшую административно-бюрократическую машину, из-за чего жизнь обитателей Пылево мгновенно меняет свой курс.

По мере развития основного действия «Зоны затопления» появляются второстепенные сюжетные линии, напрямую апеллирующие к литературному наследию В. Распутина. Самое знаменательное в этом плане описывается в главе «В чужую землю», где описываются проводы в последний путь старожильца – Натальи Сергеевны. Жители уже ожидают переселения, но старушку, по причине отсутствия транспорта, решают похоронить на местном кладбище. Эти похороны говорят о скорой гибели самого поселения, но те, кто остался в нем, не испытывают никаких чувств сожаления, они не собираются отстаивать свои права. Земля, где жили их близкие, не смогла до конца стать их домом. У жителей Пылево нет преемственности поколений, хоть эта деревня и существует долгое время. Сенчин не зря выбрал именно этот значимый распутинский памятно-похоронный мотив. Автор на контрасте показал совершенно отличающуюся перспективу. Память потеряла сакральное значение, она уже не является даром, не несет в себе дань традициям. На мгновение у жителей просыпается чувство долга: «Смерть старого, обессиленного, изработанного человека – это дело, конечно, обычное, а вот прощание с ним всей деревней, опускание в ту землю, на которой прожил жизнь... От этого народ отвыкал, и это волновало, удивляло, тревожило» [7, с. 51].

Стоит отметить, что в «Зоне затопления» нет ни одного запоминающегося героя, думается, Сенчин намеренно так представляет персонажей, в то время как у Распутина их целая галерея: старухи Дарья, Сима, Наталья, юрод Богодул, наконец, Иван Петрович из «Пожара». Примером здесь могут служить Мерзляковы, подающие на развод «без пыли до потолка, без позора» [7, с. 56]. Люди, живущие в сибирской провинции в начале двадцать первого столетия, о которых идёт речь в «Зоне затопления» у Сенчина, лишены воли к борьбе, к действиям и защите своих прав. Они хранят в памяти подвиги предков, но сами не способны противоборствовать произволу государственной бюрократии: «Все собравшиеся от почти стариков-родителей до этих пятилетних-семилетних ребятишек, крепкие, здоровые, знающие как жить здесь, были теперь растеряны, бессильны, прибиты» [7, с. 70]. Произведение имеет кольцевую композицию (в начале похороны, в конце – катастрофа на кладбище, где группу людей настигает вода). Это единственная сцена в произведении, построенная как раз на мифологическом, библейском мотиве, но, в отличие от распутинских образов, она не несет надежды на будущее, не утверждает его, а предвещает трагический исход.

В «Зоне затопления» конфликт автор разрешает в пользу природы («Обезлюдвали деревеньки <...> Природа забирала обратно свою территорию» [7, с. 77]. Распутин только лишь предостерегал от неумеренного вмешательства человека в природу, говорил о деструктивном итоге, апеллировал прежде всего к нравственным качествам человека. Сенчин же описывал печальный итог этой реальности. Этап обесценивания моральных норм уже пройден, за ним же следует физическое уничтожение, или даже самоуничтожение человека. А роль природы более значима, и она, как вечная ценность, не может исчезнуть и будет проявляться в самых обычных формах – в виде мхов и лишайников.

Таким образом, можно утверждать, что роман Р. Сенчина «Зона затопления» попытка не только преодоления мифопоэтического восприятия мира, как в творчестве В. Распутина, но и традиционализма в целом. Можно считать ее оправданной, учитывая весь комплекс перемен, которые на протяжении последних трех – четырех десятилетий произошли в общественно-политической и культурной жизни страны. Распутин обращается к истокам научно-технической революции, а Сенчин показывает нам ее итог, фактически, отвечая классику.

Библиографический список:

1. Белая, Г. А. «Вечные» темы: поэтика и смысл / Г. А. Белая // Литература в зеркале критики. – М., 1986. – С. 320–323.
2. Беляков, С. Роман Сенчин: неоконченный портрет в сумерках / С. Беляков // Урал. – 2011. – № 3. <https://magazines.gorky.media/ural/2011/10/roman-senchin-neokonchennyj-portret-v-sumerkah.html> (дата обращения: 24.09.2022).
3. Бондаренко, В. Новый реализм / В. Бондаренко // Завтра. – <https://zavtra.ru/blogs/2003-08-2071> (дата обращения: 24.09.2022).
4. Ершов, Л. Ф. Диалог с эпохой. Проза 70-х годов. Основные тенденции развития / Л. Ф. Ершов // Память и время. – М. : Современник, 1984. – С. 177–283.
5. Ковтун, Н. В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков. Генезис, мифопоэтика, контексты / Н. В. Ковтун. – М. : Флинта : Наука, 2017. – 597 с.
6. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература. Кн. 2: Семидесятые годы (1968–1986) / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М. : Изд-во УРСС, 2001. – 286 с.
7. Сенчин, Р. В. Зона затопления / Р. В. Сенчин. – М. : АСТ, 2015. – 384 с.
8. Селютина, Е. А. К проблеме поиска новых стратегий чтения в пору претензий к новейшей литературе: вузовская практика / Е. А. Селютина // От Года литературы – к веку чтения : коллективная монография ; науч. ред.-сост. В. Я. Аскарова. – М. : Межрег. центр библиотечного сотрудничества, 2016.
9. Jastrzębska, K. Депрессивная проза Романа Сенчина / K. Jastrzębska // Tradycja i nowoczesność. Język i literatura Słowian Wschodnich. – Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2016. – С. 72–80.